

ЖС-373¹

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
XLIII

ПАМЯТНИКИ
ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ
КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Г. Н. Симаков

Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана

(по собраниям МАЭ)

Предлагаемая статья является продолжением публикаций коллекций по охоте с ловчими птицами из собраний МАЭ, начало которым положила работа автора о предметах охоты с беркутом, опубликованная в сборнике МАЭ № 34, вышедшем в 1978 г.¹ Так же как и предшествующая, данная статья помимо ознакомления читателей с музейными коллекциями по охоте с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана имеет целью осветить некоторые общие вопросы, связанные с этой тематикой, а также частично описать способы и приемы среднеазиатской охоты с беркутом и с другими видами ловчих птиц. В соответствии с поставленными задачами статья подразделяется на две относительно самостоятельные части: 1. Некоторые аспекты этнографического изучения охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана; 2. Описание и характеристика коллекций по охоте с ловчими птицами из собраний МАЭ и этнографические комментарии к ним.

1

Охота с ловчими птицами имела исключительно широкое распространение у всех народов, издавна обитавших на территории Средней Азии и Казахстана. В силу своего древнего происхождения, эффективности, высоких спортивных и развлекательных качеств она глубоко укоренилась в быту и культуре народов этого региона. Степень ее распространения, а также уровень владения мастерством добычи, вынашивания хищных птиц и охоты с ними у того или иного народа, в той или иной местности определялись в значительной мере экологическими факторами. В частности, наличием на территории обитания того или иного народа достаточного количества хищных птиц, пригодных для обучения охоте. С этим обстоятельством тесно связаны особенности специализации этого вида охоты, ее направление и общий характер. Кроме того, некоторые качественные характеристики охоты определялись не столько степенью распространенности одного вида (подвида) хищных птиц, сколько их видовым разнообразием. Наличие в одной местности нескольких пород пернатых хищников предоставляло возможность воспитывать птиц с различными охотничьими возможностями, что делало охоту разнообразной по приемам и способам и более добычливой.

Не менее (а может быть, и более) важное значение для развития охоты с ловчими птицами имело и второе обстоятельство, а именно наличие в той или иной местности достаточного количества промысловых животных и птиц для добычи в соколиной охоте. Недостаток ловчих хищных птиц в природе во многих случаях мог восполняться их покупкой в соседних или даже весьма отдаленных

¹ Симаков Г. Н. Предметы охоты с беркутом: (из киргизских коллекций МАЭ) // СМАЭ. 1978. Т. 34. С. 23—37.

районах. Недостаток же промысловых животных и птиц приводил охоту на них к упадку или сильно тормозил ее развитие. Эти два тесно взаимосвязанных обстоятельства, по-видимому, играли решающую роль в том, что в целом широко распространенная на территории региона охота с ловчими птицами (по крайней мере в конце XIX—начале XX в.) была развита у населявших его территорию народов неодинаково полно.

Однако количественное распространение охоты с ловчими птицами, а также ее качество определялось не только экологическими причинами. Большое значение в развитии и функционировании этой сферы народной деятельности имели и историко-культурные факторы — специфика хозяйственного, социального, политического и культурного развития того или иного этноса Средней Азии и Казахстана. Именно в силу причин, носящих общественный характер, охота с ловчими птицами получила наибольшее развитие и была наиболее ярко и разнообразно представлена у народов, которые в основной своей массе вели кочевой и полукочевой образ жизни. Это прежде всего казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены и полукочевые группы узбеков. В значительной мере слабее, как и другие виды охоты, охота с обученными хищными птицами была представлена у оседлых узбеков и таджиков. Главной причиной такого различия является специфика кочевого скотоводческого хозяйства, с одной стороны, и оседлого земледелия — с другой.

Говоря об отличительных и характерных чертах соколиной охоты у народов Средней Азии и Казахстана, следует прежде всего отметить то обстоятельство, что эта охота у кочевников издавна носила, условно говоря, демократический характер. Под этим термином в данном случае мы имеем в виду то, что охота с ловчими птицами у кочевников в силу особенностей их хозяйства и культуры получила значительное распространение среди широких масс рядового населения. Высказывания очевидцев конца прошлого—начала нашего века,² а также наши беседы с аксакалами-сокольниками в различных районах Средней Азии и Казахстана свидетельствуют о том, что почти в каждом кочевом ауле и тем более на зимнем стойбище имелись свои охотники с ловчими птицами. Они составляли сравнительно высокий процент от всего населения аула или стойбища. Сидящая в юрте или около нее на насесте («стуле») ловчая птица, будь то ястреб, сокол или беркут, являлась характерной чертой кочевого быта, равно как и всадник, несущий на руке обученного пернатого охотника.

Демократический характер охоты с ловчими птицами у кочевников в редуцированном виде наблюдался даже в конце XIX—начале XX в., например, в Киргизии (совр. Иссык-Кульская обл.) и Казахстане (в степях повсеместно). Однако, судя по некоторым историческим, этнографическим и многочисленным фольклорным данным, наиболее ярко эта особенность проявлялась в эпоху средневековья.

Тем не менее, говоря о демократическом характере охоты с ловчими птицами у кочевых народов региона, следует отметить, что наряду с соколиной охотой, прочно вошедшей в бытовую жизнь и культуру рядовых кочевников, в степях и горах Средней Азии несколько особняком стояла байская и ханская охота. Она отличалась от этого занятия у остального населения прежде всего большими масштабами и более сложной организацией. Так, крупный бай или хан часто держал значительное количество ловчих беркутов, ястребов и соколов; их поимкой, вынашиванием, а порой и напуском занимался солидный штат джигитов-соколятников, которые находились в услужении и зависимости у этого кочевого владыки. Выезд на охоту с ловчими птицами носил характер торжественного, яркого и масштабного предприятия. Охота у хана или бая соединяла в себе черты спортивной забавы, праздничного развлечения-зрелища и одновременно являлась атрибутом и символом его общественной значимости.

Несмотря на отмеченные черты ханско-байской охоты с ловчими птицами, она в целом у кочевников не была качественно противопоставлена таковой

² См., например: *Зарудный Н.* Краткий очерк охотничьего промысла в Сырдарьинской области // *Туркестанское сельское хозяйство*. 1915. № 7; *Ширинкин К.* Ловчие птицы Туркестана // *Природа и охота*. 1890. Июнь.

у остального населения. Уровень работы с ловчими птицами был высок на кочевьях повсеместно. Кроме того, коллективные выезды на охоту были типичными и в среде рядовых кочевников, а средний, достаточно зажиточный слой имел возможность держать значительное количество ловчих птиц одновременно (у одного соколятника до десяти и более).³ В охоте крупного бая или хана зачастую принимали активное участие менее именитые и богатые сородичи и соседи. Иначе говоря, исключительный интерес к охоте с ловчими птицами часто являлся обстоятельством, которое как бы отодвигало сословные и имущественные различия на второй план. В этом при желании также можно видеть черты своеобразного демократизма данного вида охоты у кочевников. Даже говоря о материальной заинтересованности в результатах охоты среди различных социальных слоев, мы, как нам представляется, во многих случаях не имеем возможности провести качественную грань между охотой состоятельных, средних и даже бедняцких слоев населения: всегда спортивный, развлекательный момент преобладал над материальной выгодой. Причинами такого положения являются, во-первых, сравнительно невысокий удельный вес охоты в обеспечении материального достатка семей у кочевников (охоты с целом, и соколиной охоты в частности); во-вторых, глубоко укоренившиеся взгляды в культуре кочевников на соколиную охоту как на занятие богоугодное, сулящее много благ в этой и потусторонней жизни. Это в конце XIX—начале XX в. не противоречило представлениям о соколиной охоте как о любимейшем средстве развлечения, увеселения души. Разумеется, охота с ловчими птицами в середняцких и бедняцких слоях (в особенности промысловая охота с беркутом) являлась к тому же важным материальным подспорьем. Роль охоты, и охоты с ловчими птицами в частности, возрастала в годы массового падежа скота или неурожая злаковых.

О демократическом характере охоты с ловчими птицами в кочевнической среде свидетельствовало и то, что знаток охотничьих качеств хищных птиц, мастер отлова, вынашивания и напуска пернатых охотников пользовался высоким авторитетом в кочевой среде, который мог соперничать лишь с авторитетом знатока скаковых, боевых и иных качеств верховых лошадей. Выдающийся сокольник и знаток хищных птиц мог быть человеком среднего достатка или даже бедняком, но с его авторитетом вынуждены были считаться представители разных сословий, к его услугам и помощи порой прибегали и богатые. В народе по сей день бытует множество рассказов и историй полулегендарного и легендарного характера, в которых часто обыгрывается один и тот же сюжет: пренебрежение советами выдающегося сокольника приводит легкомысленных и спесивых людей (в том числе и представителей имущих сословий) к плачевным результатам. Важно отметить, что такой фольклорный материал представляет самого сокольника как бедняком, так зачастую и состоятельным человеком.

Говоря о причинах демократичности рассматриваемой сферы деятельности у кочевников, следует обратить внимание и на то, что в их среде охота с ловчими птицами в существенной степени регулировалась и регламентировалась идеологическими представлениями, восходящими к предшествующим эпохам исторического развития кочевого мира. Среди таких представлений и традиций первостепенное значение принадлежит продолжавшим иметь и в конце XIX—начале XX в. реальную силу пережиткам идеологии родового строя и родоплеменной организации, впитавших в себя и домусульманские религиозно-магические представления, и некоторые представления обычного права (адата).

Об охоте с ловчими птицами у оседлого населения (узбеков и таджиков) до наших дней дошли сравнительно скудные сведения. До сих пор не существует сколько-нибудь подробного описания соколиной охоты у этих народов, основанного на личных наблюдениях и тем более на систематических полевых исследованиях. Однако, судя по тем отрывочным сведениям, которые имеются в ли-

³ Бичурин Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Спб., 1829. Ч. 2. С. 116.

температуре,⁴ можно предположить, что эта отрасль деятельности у оседлого населения по характеру бытования и отражению в идеологии являлась в значительной мере антиподом охоты с ловчими птицами у кочевников. Поэтому, как нам представляется, имеются основания в противовес кочевнической соколиную охоту у оседлого населения условно именовать аристократической.

И действительно, в силу хозяйственных особенностей оседлых народов, природных условий их обитания, сложившихся особых культурных черт охота с ловчими птицами среди узбеков и таджиков не имела в народе столь широкого распространения и характерной для кочевников «всепроникающей» популярности. Это выражалось в том, что охота с обученными птицами в оседлой среде прежде всего была занятием избранных, иначе говоря, представителей имущих классов: хана и ханского двора, феодалов и их ближайшего окружения, военного сословия, а также представителей феодальной интеллигенции — поэтов, ученых и т. п. Наличие ловчей птицы на руке или в жилище на насесте являлось своеобразным и определенным символом, знаком принадлежности к высшему, избранному сословию. Отсюда то исключительное значение, которое охота с ловчими птицами имела при дворах ханов и эмиров. Аналогий такой значимости охоты с ловчими птицами и охоты вообще достаточно много можно найти при дворах государей, князей и феодалов в Европе, России и во многих феодальных государствах Азии. Неудивительно, что и в Средней Азии этот род деятельности (в Хивинском и Бухарском ханствах) вплоть до начала века носил характер действия государственной важности. В соколиную охоту вовлекался весь двор, аристократия ханства, что определяло дух и букву этого вида деятельности. Должность же главного сокольничего (*кушбеги*) издавна являлась в Средней Азии важным государственным постом.

В отличие от кочевников, которые использовали для охоты в равной мере и беркутов, и ястребов, и разные виды соколов, в охоте оседлого населения первостепенное значение имели соколы как наиболее красивые, эффектные и эффективные в охоте и сравнительно легкие в обращении птицы. Отловом и вынашиванием хищных птиц при дворе хана или эмира, а также при дворах феодалов чаще всего занимались сокольники-профессионалы. Порой и напуск хищных птиц на добычу осуществлялся слугами, а аристократы ограничивались лишь созерцанием захватывающих поединков в небе и на земле между добычей и обученными хищными птицами.

Как характерную черту аристократической охоты отметим также и то, что в ней порой принимали участие женщины из состоятельных слоев, которые для забавы напускали на пернатую дичь мелких соколов (дербников, кобчиков и т. п.). Однако уровень мастерства обращения с ловчими птицами у оседлого населения, как и повсюду в Средней Азии и Казахстане, был очень высок, хотя опыт этот сохранялся главным образом в сравнительно узком кругу (сокольники-профессионалы, аристократы, состоятельные люди). Важно отметить также, что вынашивание птиц, напуск их на дичь, приемы и способы их содержания, а также охотничий инвентарь аристократической охоты отличались совершенством, утонченностью, пышностью и богатством, присущих быту и культуре правящих классов.

Однако мы считаем необходимым подчеркнуть, что предлагаемое выше подразделение охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана на демократическую и аристократическую носит далеко не абсолютный характер, так как при широком распространении этого вида охоты среди рядовых кочевников в их среде несколько особняком стояла ханско-байская охота, имевшая, как говорилось выше, свою специфику. У оседлого населения при очевидной монополии и отличительных особенностях придворной аристократической охоты с хищными птицами соколиная охота была достаточно популярной и среди членов таджикского и узбекского обществ и в целом, как и повсюду в Средней Азии, имела высокую культуру.

⁴ См., например: *Маев Н.* Туркестанская выставка 1890 г.: (Путеводитель по выставке). Ташкент, 1890. С. 16, 18.

Помимо рассмотренных черт двух видов охоты с ловчими птицами в Средней Азии и Казахстане следует остановиться и на общих моментах соколиной охоты у выделенных выше двух групп народов, что объясняется близкими, а порой и едиными этногенетическими и историческими судьбами, которые в течение столетий определяли развитие этого вида охоты в Среднеазиатско-Казахстанском регионе.

Так, охота с ловчими птицами как рациональный вид деятельности, как разновидность охотничьей отрасли хозяйства на ранних этапах ее формирования и развития тесно переплеталась с первобытными религиозно-магическими представлениями. Наши полевые данные, а также разбросанные в литературе сведения дают основание предположить, что хищные птицы вообще, и приспособленные к целям охоты в частности, с глубокой древности являлись объектом религиозного почитания. С ними тесно связаны религиозно-магические представления о трансформации души человека после его смерти, например, после гибели или смерти мужчины-воина душа его находила воплощение в белом кречете (*ак сункар, ак шункар*). Ряд религиозно-магических представлений относится к культу плодородия, плодовитости, а также связан с представлениями материального и морального благополучия. Очетливо выделяется комплекс верований, относящихся к охране здоровья рожениц и к охране их от губительного влияния злых демонов и духов, а также к защите и охране здоровья новорожденных и маленьких детей. Некоторые хищные птицы, в частности орел-могильник (*каракуш*), обладали якобы чудодейственной силой воздействия на состояние человеческого духа: могли лишить человека психического здоровья или, наоборот, повлиять на подъем его душевных сил. Нельзя не отметить в рассматриваемой связи и того обстоятельства, что с первобытной древности и вплоть до раннего средневековья хищные птицы (в том числе и ловчие) являлись тотемами многих тюркских племен, что оказало определенное воздействие на формирование некоторых религиозных и социальных представлений кочевников и оседлого населения Средней Азии и Казахстана в последующие периоды развития.

Перечисленные религиозно-магические представления свидетельствуют, в частности, о том, что в основном религиозная семантика образа хищных птиц имела положительную, благотворную направленность и оказывала благоприятное воздействие на семейную жизнь и хозяйственную деятельность людей. Однако религиозный смысл образа хищных птиц порою носил двойственный характер: образ хищной птицы, несшей человеку благо, в некоторых случаях переходил в свою противоположность, принося разорение, болезни и смерть.

Несомненно, что генезис охоты с ловчими птицами тесно связан и с развитием некоторых специфических черт военного дела и военной организации. Вкратце остановимся здесь лишь на некоторых моментах, проливающих свет на эту сторону вопроса. Выше уже говорилось о воплощении души умершего или погибшего воина в высоко ценимого в среднеазиатской охоте белого сокола-кречета. Однако мы имеем возможность проследить и как бы противоположную связь религиозного образа хищной птицы с образом выдающегося богатыря. А именно: по материалам героического эпоса народов Средней Азии и Казахстана прослеживается магическое влияние хищной ловчей птицы (сокола, ястреба) на рождение будущего воина-героя. В эпосе, в частности, мы встречаемся с повторяющимся в различных вариантах мотивом, из которого ясно, что родители будущего богатыря накануне его рождения видят сон, главными действующими лицами которого являются птицы, используемые народами региона в охотничьих целях.⁵ Таким образом, хищные птицы как бы предшествуют рождению воина-героя, предвосхищая его появление на свет. Затем они сопутствуют ему в реальной жизни, главным образом как ловчие птицы, и наконец, после его смерти или гибели становятся материальным воплощением его героической души. Реальность, как видим, соседствует и переплетается с вымыслом, с мифо-

⁵ См., например: Манас: Киргизский героический эпос. М., 1984. Кн. 1. С. 226, 240—243

творчеством, практические взгляды на вещи — с религиозными первобытными представлениями.

Не менее тесно практическая военная сторона и ирреальные представления переплетаются и в другом характерном моменте, связанном с историей развития охоты с ловчими птицами. Мы имеем в виду распространенный вплоть до конца средневековья при ханских дворах кочевников и оседлого населения обычай массовых выездов на охоту больших воинских соединений, а порой и целого войска, с ловчими птицами на руках. Такие выезды носили, как отмечается в литературе,⁶ характер воинских маневров, своеобразной репетиции военного похода — практической проверки готовности отряда, войска, армии к предстоящим военным действиям. На первый взгляд, при знакомстве с подобными фактами обращает на себя внимание очевидное противоречие: с одной стороны, военные маневры — серьезное военное и государственное предприятие, с другой — развлечение, охота с ловчими птицами, любимейшее увеселение души, что, согласитесь, трудно сочетается с целями и задачами столь ответственного мероприятия, как военные маневры. Однако противоречие это только кажущееся: во-первых, такая охота имела строго продуманную организацию и порядок движения войска на место охоты — маневров, а также поведение во время охоты и возвращения обратно, что в условиях военного похода с многочисленным войском было практически важно; во-вторых, охота с ловчими птицами использовалась в этом случае, на наш взгляд, как фактор, поднимающий и поддерживавший высокий боевой дух воинов. Яркая зрелищность соколиной охоты: захватывающие дух картины погони пернатых охотников за промысловыми птицами и зверями, драматические их поединки, неизменная ловкость, сила и хваткость хорошо обученных соколов, праздничная торжественная обстановка самой охоты; богатая и престижная добыча в охоте, а следовательно, и удовлетворение сильно развитого охотничьего азарта, — все это не могло не сказываться благотворным образом на настроении участников охот-маневров.

Но помимо отмеченных моментов, несомненно поднимающих боевой дух и настроение воинов, имело значение и другое важное обстоятельство. Организованные выезды на охоту с ловчими птицами больших воинских соединений, без сомнения, несли в себе глубокое ритуальное содержание, так как такая охота, как нам представляется, являлась магическим воспроизведением предстоящей битвы, где обученные хищные птицы как бы олицетворяли собой войско, его высокие боевые качества: силу, ловкость, беспощадность, быстроту и т. п., а промысловые птицы и звери — будущего неприятеля. Это предположение покажется еще более убедительным, если учесть отмеченную выше мифологическую и реальную жизненную связь воина и хищной ловчей птицы. Победы, одерживаемые соколами, ястребами и т. п. в воздухе и на земле, связывались посредством имитативной магии с будущей доблестью и победами отдельных воинов и всего войска в предстоящих реальных битвах. Именно в этом, как нам представляется, заключается идеологический смысл объединения воинских маневров и охоты с ловчими птицами.

Особого рассмотрения в связи с аспектом «охота с ловчими птицами и военное дело» заслуживает возможность не только магического, но и реального, практического использования различных хищных птиц непосредственно в военном деле в глубокой древности. На подобное предположение, в частности, наталкивают свидетельства очевидцев, утверждавших, что в некоторых странах Востока, в частности в Иране, в раннем средневековье имела место практика натаскивания хищных птиц для нападения на людей (птиц обучали, внезапно напав на человека, выклеивать ему глаза),⁷ что могло, как нам представляется, иногда использоваться и во время военных действий. Эта мысль высказывается

⁶ *Задыхина К. Л.* Узбеки дельты Аму-Дарьи // Тр. Хорезм. археол.-этногр. экспедиции. М., 1962. Т. 1. С. 347—348; *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 76; *Марко Поло.* Путешествие // Зап. ИРГО по отд-нию этнографии. СПб., 1902. Т. 26. С. 93; *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии // Тр. Вост. отд-ния имп. Рус. арх. о-ва. СПб., 1909. Т. 4. С. 185.

⁷ *Sykes E., Sykes P.* Through Deserts and Oases of Central Asia. London, 1920. P. 182.

нами, разумеется, в качестве осторожного предположения, которое требует дальнейшего тщательного изучения и проверки. На это предположение наталкивает и ряд косвенных свидетельств, которые мы находим в полевых материалах по охоте с ловчими птицами, собранных в наши дни у народов Средней Азии и Казахстана. Например, у киргизов для обозначения беркута нами зафиксировано свыше ста терминов, часть которых или их составные компоненты так или иначе связаны с военными реалиями, а некоторые предметы снаряжения ловчего беркута, использовавшиеся еще в XIX в., имеют аналогии в снаряжении и доспехах среднеазиатского воина. Наконец, практическим путем установлено, что при умелой работе с хищной птицей можно ее легко научить нападать на добычу, значительно превосходящую ее в силе и величине. Известно, что казахи еще в XVII в. использовали для охоты на диких лошадей сокола-балобана.⁸ Туркмены и казахи в начале нашего века использовали эту же разновидность сокола для охоты на крупных и сильных антилоп (сайгаков, джейранов). Киргизы, по рассказам старых сокольников, в прошлом умели натаскивать беркутов для охоты на горных козлов и косуль и даже кабанов и медведей. А охота с беркутом на волка существует в Казахстане и Киргизии и в наши дни.

Итак, древнее происхождение соколиной охоты, важное место, которое хищные птицы занимали в домусульманских религиозных представлениях, очевидная и глубокая связь этой охоты с военным делом, а также то заметное место, которое данный вид охоты занимал среди других видов охоты и хозяйственной деятельности, — все это отложило определенный отпечаток и на некоторые черты социальной организации народов Средней Азии и Казахстана. Мы уже говорили об особенностях ханской придворной и аристократической охоты как специфической черте культуры и быта господствующих классов, об их привилегии (в том числе и политической) на это занятие, являвшееся своеобразным и ярким символом принадлежности к высшему сословию. Важно подчеркнуть несомненно особое, а порой и более высокое общественное положение, которое занимали в среде кочевников мастера-сокольники и знатоки хищных птиц в древности и средневековье. Среди кочевых народов, если судить по материалам конца XIX—начала XX в., это выражалось в том исключительном уважении, которым пользовались соколятники в обществе, о чем свидетельствует, в частности, и тот ореол избранничества, профессиональной исключительности и сверхъестественной проницательности (как профессиональной, так и житейской), который окружал выдающихся знатоков ловчих качеств хищных птиц и специалистов по их обучению и охоте с ними. Выдающиеся *саятчы* (кирг.) — ловцы хищных птиц, *кус бөгю* (казах.), *мюлюшкөр*, *мюнюшкөр*, *куш беги* (кирг.) — мастера вынашивания хищных птиц и охоты с ними, *кус сыншы* (казах.), *куш сынчы* (кирг.) — специалисты по определению ловчих качеств птиц по их внешним данным (оперению, телосложению, характеру поведения и т. п.) и *бүркүтчү* (кирг.) — специалисты по обучению беркута и охоте с ним — в среднеазиатской культуре и быту люди часто не только легендарные (о чем свидетельствуют разнообразные жанры фольклора), но часто имевшие реальный вес при решении профессиональных задач, житейских проблем, а иногда и в политической и общественной сфере. С такими людьми были вынуждены часто считаться сильные мира сего не только в вопросах, связанных с практической стороной соколиной охоты. Однако наиболее ярко, судя по литературным данным, социальная роль охоты с ловчими птицами, ее опосредованное влияние на социальную сферу и на государственную жизнь проявлялись в оседлых феодальных государствах Средней Азии и Казахстана. Об этом, в частности, свидетельствует то, что пост главного сокольника являлся там одним из важнейших государственных постов, что служба соколиной охоты имела явно гипертрофированные масштабы и играла подчас важную роль в государственной жизни. Институт соколиной охоты имел, по-видимому, реальное политическое значение и в межгосударственной дипломатической практике, играя

⁸ Ефремов Ф. С. Десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. СПб., 1786. С. 224.

там роль своеобразного символического языка, с помощью которого заключались или расторгались политические сделки. В частности, обмен дипломатическими дарами в таких случаях обязательно подразумевал обмен и ценными экземплярами хищных птиц, что являлось символом взаимного доверия и уважения.

В заключение первой части статьи отметим, что охота с ловчими птицами испокон веков являлась заметной и характерной вспомогательной отраслью хозяйственной деятельности. Вопрос об удельном весе этого вида охоты в реальных доходах населения, о месте его среди других видов охоты представляется первостепенным, так как очевидно, что одними идеологическими моментами невозможно объяснить ту громадную популярность, высокий профессиональный уровень и глубокое проникновение в культуру и быт широких народных масс этого вида деятельности на территории Средней Азии и Казахстана. Несомненно, удельный вес охоты с ловчими птицами в существенной мере определялся хозяйственными интересами. Поэтому важнейшим аспектом изучения охоты с ловчими птицами также является и вопрос об ее эффективности и целесообразности.

Таким образом, соколиная охота представляет собой сложное синкретическое явление, в котором переплелись хозяйственные, экономические моменты с идеологическими — религиозными, политическими, военными, с течением времени потерявшими свое значение и уступившими место спортивной, развлекательной стороне этого вида деятельности. Поэтому дальнейшее изучение этого вопроса — задача комплексная, представляющая, как мы пытались показать выше, для историка вообще и для этнографа в частности большой научный интерес. Круг источников для решения данной задачи на настоящий день достаточно широк. Это существующая пока возможность пополнить представления о соколиной охоте полевыми этнографическими материалами, данными археологии, языкознания, фольклора (в первую очередь эпоса народов региона); изобразительными (от наскальных изображений древности до средневековой миниатюры) и иллюстративными материалами конца XIX—начала XX в. (фотографиями, рисунками, живописью); историческими хрониками древних и средневековых авторов по Средней Азии и Казахстану; свидетельствами участников и наблюдателей соколиной охоты в регионе в конце XIX—начале XX в., и т. д.

2

Коснувшись в самых общих чертах основных аспектов изучения соколиной охоты, которые встают перед исследователем на данном этапе изучения охоты с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана, мы перейдем к характеристике музейных коллекций и предметов по этой теме, входящих в них. Попутно будем освещать некоторые практические стороны этого вида охоты, а также на конкретном материале некоторые вопросы, затронутые в первой части статьи.

Коллекции, описание которых дается в данной статье, неравнозначны с точки зрения этнографической, историко-культурной и эстетической: одни из них дают полное понятие об охоте с ловчими птицами, а другие включают в себя единичные предметы. Некоторые коллекции собирались в дореволюционное время (в отдельных случаях выдающимися собирателями), некоторые значительно позже, вплоть до 80-х гг. нашего века, и представляют собой несистематичные подборки предметов, изготовленных уже в наши дни. Но в совокупности описываемые предметы и коллекции в достаточной мере отражают основные моменты работы с ловчими птицами (от беркута до мелких соколов).

Конкретные описания предметов сгруппированы нами не по коллекциям, а в соответствии с их практическим назначением, что подчинено нашей задаче осветить последовательность операций в работе с ловчими птицами, а также некоторые стороны техники работы с ними и самой охоты.

Центральное место среди коллекций МАЭ по ловчим птицам принадлежит замечательной подборке предметов (№ 778), привезенной в 1902 г. из Турке-

стана выдающимся собирателем вещей, характеризующих культуру и быт народов Средней Азии и Казахстана, С. М. Дудиным. Эта коллекция, обладая достаточной полнотой (в ней представлены клобучки, стулья, барабаны, опутенки и т. п.), содержит редкие для нашего времени вещи по добротности изготовления, по эстетическим достоинствам, по типичности; все они отличной сохранности.

При характеристике узбекских предметов из коллекции С. М. Дудина мы принимаем во внимание материалы отчета, составленного собирателем во время путешествия по Средней Азии и Казахстану в 1900—1902 гг., хранящегося в архиве Государственного музея этнографии народов СССР.⁹

Из предметов охоты с ловчими птицами наиболее полно и разнообразно представлены клобучки для различных видов хищных птиц, от самых крупных (беркута) до самых малых (сокола-дербника, пустельги, кобчика и т. п.) (№ 778-5—8; 2352-225, 226). Колпачок надевается на голову ловчей птицы, чтобы лишить ее на время способности видеть, а значит, сделать ее спокойной и послушной.

Самый лучший в коллекциях музея — клобучок для ловчей птицы (небольшого беркута или крупного сокола), привезенный С. М. Дудиным (№ 778-5).

Клобучок выкроен из одного куска плотной, тонкой кожи. В сшитом виде клобучок членится на купол, отдаленно напоминающий форму шлема; наглазник, похожий на полумаску «домино»; держатель клобучка в виде узкого ремешка и султанчик. На все швы сверху наклеены полоски бархата: на задний шов — зеленого, на боковые — ярко-красного цвета. Султанчик представляет собой кисточку из двойной крученой шелковой нити бледно-лилового цвета. Шнур, на котором держится кисточка, в верхней части обмотан посеребренными медными нитями, в нижней — нитями из бисера белого цвета. Вдоль бархоток кожа окрашена в черный цвет, остальная поверхность колпачка светло-коричневая. По черной части кожи клобучка прошиты шелковыми нитями две параллельные строчки швом *бахья*. Строчки (швы) выполнены вручную. Один шов представляет собой непрерывную линию (нить бледно-лилового цвета); другой — прерывающуюся через каждые три прокола (нить желтого цвета), он расположен вторым от края клобучка. Полоска кожи, представляющая собой держатель клобучка, а также поверхность клобучка над вырезом для клюва и по бокам от него украшена узорами в технике *бить* (геометрический узор делается из узеньких и коротких полосок жести прямоугольной формы, которые вшиваются в поверхность клобучка). Внутренняя поверхность клобучка оклеена тонким ситцем белого цвета с яркими красными цветами. Высота клобучка 6.1, длина 6.5 см. Клобучок, по-видимому, никогда не использовался. Полоски бархата, наклеенные на швы, слегка потертые от музейного употребления в течение длительного времени.

Три остальных клобучка из этой коллекции (№ 778-6—8), изготовленные, по-видимому, одним и тем же мастером, имеют абсолютно одинаковый крой и отличаются лишь размерами (они меньше по размерам, чем описанный, и предназначены для небольших соколов) и деталями декора. Все они сделаны с большим мастерством, удобны в употреблении и красивы.

В коллекциях МАЭ имеются еще два таджикских колпачка меньшего размера (№ 2352-225, 226). Таких миниатюрных клобучков нам не приходилось встречать ни в коллекциях музеев страны, ни во время экспедиционных поездок у сокольников Средней Азии и Казахстана. Они входят в небольшую коллекцию, привезенную И. И. Зарубиным в сентябре 1914 г. из «Памирских стран» (долина Баршанга, Ферганской обл.) и из Горной Бухары. Приводим описание клобучка № 2352-225. Он выкроен из одного куска кожи фабричной выделки светло-желтого цвета. Условно членится на купол, наглазник, ремешок-держатель, султанчик в виде ромбовидной полоски кожи, расположенный на вершине клобучка. У колпачка всего три шва — один затылочный и по одному с боковых сторон, которые и формируют собственно наглазник. Швы сшиты шелковой нитью желтого цвета. Судя по размерам (длина клобучка и высота по 3.5 см), клобучок

⁹ Инв. № 6852, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 59—61.

предназначен для мелких хищных птиц: ястреба-перепелятника, кобчика, пустельги, дербника, чеглока.

Другой кlobучок из этой коллекции имеет точно такой же крой, но сделан из тонкой кожи коричневого цвета.

Как уже говорилось выше, основное назначение кlobучка — лишить птицу на некоторое время возможности видеть, чтобы сделать ее послушной и спокойной. Однако рассмотрим функции кlobучка более подробно. Во-первых, кlobучок используется сразу после попадания ловчей птицы в сеть, капкан, силки или другую ловушку, так как это позволяет быстро подавить ее сопротивление и дает возможность охотнику в более спокойной обстановке высвободить птицу из силков, сетей и т. п., что способствует безопасности как самого ловца (избежать ранений от когтей птицы), так и возможности высвободить птицу, не повредив ей оперения крыльев, лап и т. п. Кроме того, ловчая птица с надетым кlobучком во время высвобождения из ловушки, а также во время транспортировки предохраняется от впечатлений, которые могут ее сверх меры напугать, что в последующем может задержать, затруднить, а порой и сделать невозможной успешную работу с ней.

Во-вторых, кlobучок необходим для первого этапа работы с хищной птицей, для так называемого держания. Лишенная зрения птица гораздо быстрее привыкает к прикосновениям человека, к его голосу, к сидению на руке и вообще к новой, непривычной для нее обстановке.

В-третьих, даже прирученная и готовая к охоте ловчая птица значительную часть времени на насесте (стуле) проводит с надетым на голову кlobучком, поэтому она сидит спокойно, не реагируя на различные живые объекты, которые могли бы привлечь ее внимание. Без кlobучка она ежеминутно рвалась бы с привязи, понапрасну тратила свою энергию, а также подвергалась опасности поломать перья крыльев и хвоста, вывихнуть лапы или натереть их о путцы (опутенки). Кроме того, если ловчей птицей является беркут, то наличие на его голове кlobучка гарантирует от случайного попадания в его когти домашней живности и маленьких детей.

В-четвертых, кlobучок необходим в процессе охоты. С кlobучком на голове ловчая птица сидит спокойно, давая возможность охотнику свободно управлять конем, выбирать маршрут, высматривать добычу, приближаться к ней на необходимое расстояние, выбирать для птицы удобное место и время для нападения. Колпачок необходим в особенности на коллективной охоте, когда птиц на добычу пускают несколько сокольников. Во избежание столкновений и драк двух или нескольких ловчих птиц из-за добычи их напускают по договоренности по очереди: одна птица преследует добычу и атакует ее, другие сидят на руках в кlobучках и ждут своей очереди. Кроме того, надетый на голову птицы кlobучок позволяет сберечь ее силы и энергию для решающего напуска, который подготавливает сокольник.

В-пятых, кlobучок необходим для того, чтобы, отманив ловчую птицу кусочком мяса (или с помощью вабила) от пойманной добычи, в короткий срок успокоить ее, вернуть ей рабочее состояние, необходимое для успешного продолжения охоты. А казахи Кызылкумов, охотясь с беркутом, используют колпачок, не отманивая птицу от добычи, а надевают его тогда, когда жертва еще у птицы в когтях. Как только пойманная жертва перестает сопротивляться и биться в когтях беркута, он с надетым кlobучком легко оставляет ее и переходит на рукавицу охотника.

В-шестых, кlobучок имеет также большое эстетическое значение, подчеркивая прямую, гордую, величественную осанку ловчей птицы, ее строгий и акkuratный силуэт, придавая красоту и законченность всему ее облику. Именно поэтому изготовлению кlobучка (его пропорциям, форме, материалу, деталям декора, тщательности отделки наряду с размерами и удобством в употреблении) сокольники всех народов Средней Азии и Казахстана придавали первостепенное значение, выделяя кlobучок в эстетическом плане из остальных предметов, необходимых для работы с ловчими птицами. Кlobучки, как и другие предметы снаряжения, для богатых людей, как правило, изготавливали выдающиеся

мастера своего дела, каковыми часто были и сами сокольники. Именно таким мастером, как нам представляется, был автор четырех клобучков из коллекции С. М. Дудина.

У кочевых народов Средней Азии и Казахстана помимо клобучков существовало и другое средство, с помощью которого птицу лишали возможности временно видеть, — это сшивание на время век ловчей птице (ястребу-перепелятнику, беркуту). Глаза хищных птиц, используемых для охоты, имеют по одному веку, которое закрывается снизу вверх, а когда глаз открыт — прилегает к нижней кромке глаза. Сшивание век ловчим птицам осуществляется следующим образом: тонкой иглой, в которую вдета очень тонкая шелковая нить, а чаще всего конский волос, осторожно, чтобы не повредить глаза, прокалывается верхняя кромка пленки века, а затем сквозь нее протягивается нить или конский волос. С помощью продетой нити веко подтягивается вверх, закрывая глаз птице. Затем двойная нить протягивается по верхней части головы птицы и иглой, в которую вдета нить, прокалывается также в верхней крайней части и второе веко. Оба конца нити затем завязываются над головой птицы так, чтобы оба века-пленки в результате натяжения нити закрывали бы плотно оба глаза. Эта процедура продельвается, когда птица уже вынута из сетей, спеленута и, следовательно, не может сопротивляться и двигаться.

С зашитыми глазами хищная птица находилась от 3 до 5 дней (по некоторым данным, до 8—10), в течение которых проводилась интенсивная работа по ее приручению (зашивание глаз на более длительный срок не рекомендуется, так как это может вызвать порчу век и глаз. Кроме того, этот срок определяется еще одним важным обстоятельством — временем, в течение которого хищную птицу без вреда для нее можно оставлять без пищи: кормление птицы с зашитыми глазами невозможно). Когда ловчая птица начинает спокойно реагировать на голос и прикосновения хозяина, уверенно сидеть на руке и не реагировать на окружающие шумы, нить разрезают и вытаскивают, высвобождая веки. Как нам говорили некоторые сокольники, зашивание век птицы — более эффективное средство для ее быстрого приручения, чем клобучок. Поэтому приручение к клобучку идет уже после снятия нити, прикрывавшей веки глаз. Кроме того, после сшивания век птица легче и в более короткие сроки привыкает к клобучку, не пытаясь избавиться от него с помощью когтей.

Таким образом, сшивание век хищной птице сокольниками Средней Азии и Казахстана использовалось, по-видимому, издавна как самостоятельное средство ограничения ее свободы, средство приручения и воспитания наряду и параллельно с использованием для этих же целей кожаного клобучка. С конца XIX в. это средство воспитания ловчих птиц использовалось все реже и реже. Предпочтение все больше отдавалось работе с клобучком. В наши дни оно почти полностью вышло из употребления.

Нам представляется, что сшивание век ловчей птице является стадийно более ранним, более древним средством ограничения ее движений и существовало до изобретения клобучка. Изобретение же клобучка не вытеснило этот древний способ из употребления, и оба способа дошли до современности.

Другим важным предметом работы с ловчими птицами являются путцы (опутенки) — кожаные, как правило, привязи, с помощью которых птица удерживается на стуле или на руке охотника или в походных условиях, во время охоты, привязывается к дереву, кусту и т. п. Без этого предмета работа с ловчей птицей и охота с ней абсолютно невозможны. Во время поимки или в иных случаях по приезде домой путики (путцы) надеваются на плюсны лап хищной птицы и не снимаются в течение всего активного периода пребывания ее на руках охотника. Даже в тех случаях (частных в практике соколиной охоты), когда птица, в особенности не прирученная, постоянно рвется с привязи и натирает себе на плюснах лап кровавые раны, путцы не снимают с ее ног, их лишь привязывают на другое место и другим способом — на пальцы лап. Однако имеются и некоторые исключения из этого правила: во-первых, путики снимаются с лап птицы в период линьки, когда ее содержат в закрытом помещении (в сарае, в специально сооруженной для этой цели клетке и т. п.), где много света,

воздуха и обязательно чисто. В этот период ловчую птицу кормят досыта, ставят в помещении большой и плоский сосуд с водой, чтобы она могла купаться, и стараются ее меньше беспокоить. От правильности содержания птицы во время линьки зависит качество нового оперения, здоровье и хорошее настроение ловчей птицы, а следовательно, и успех охоты в предстоящем сезоне. Во-вторых, путики снимаются в тех случаях, когда охотник добровольно отпускает птицу на волю. Причины для этого могут быть самые разные: болезнь, отсутствие времени для работы и охоты с ней, невозможность ее прокормить и т. д., — т. е. житейские в большинстве случаев обстоятельства. Однако в Казахстане и в Киргизии отпускание ловчей птицы на волю иногда носит освященный традицией, явно ритуализированный характер. Согласно древнему обычаю хозяином добровольно отпускался на волю ловчий беркут, который служил ему в течение многих лет верой и правдой: поймал много лисиц и другой добычи, принес в дом достаток и обеспеченную жизнь. Если за время пребывания беркута на руках охотника у последнего пополнялась семья и родившиеся дети были здоровыми и жизнерадостными, это в соответствии с религиозно-магическими представлениями, о которых шла речь в первой части статьи, также объяснялось благотворным влиянием птицы. Таким образом, беркута отпускали на волю в качестве благодарности за верную службу, за те блага, которые он принес в семью и дом, сверхъестественным путем в том числе. Отпускание на волю осуществлялось следующим образом: хозяин сначала надевал на средний палец беркута серебряное кольцо, затем сажал его на руку и верхом отвозил как можно дальше от дома (высоко в горы или далеко в степь). Там он досыта кормил своего питомца и, сняв с него клобучок и путики, оставлял на свободе. Серебряное кольцо, как объясняли старики-киргизы, во-первых, было одной из форм благодарности птице; во-вторых, в том случае, если беркут вновь попадался в чьи-либо сети или в руки к другому человеку (беркут ручной), оно должно было указать новому его владельцу на то, что беркут этот был на руках, заслужил свободу и его следует отпустить. Старики-информаторы при этом утверждали, что в старые добрые времена этому обычаю следовали все сокольники: и те, кто отпускал беркутов на свободу, и те, кому случалось вновь поймать отпущенную птицу. Интересно, что охотник, отпустивший беркута на волю, произносил при этом короткую речь-пожелание, например: «Ты долго служил мне верой и правдой, ты принес в мой дом богатство и благосостояние, ты подарил мне здоровых и жизнерадостных детей. Я отпускаю тебя на волю, пусть у тебя будут теперь собственные дети». Путики оставались у охотника. Согласно религиозно-магическому представлению, нельзя было лишиться птицы «полностью», необходимо было оставить в доме хотя бы частицу, с ней связанную, что достаточно для дальнейшего процветания семьи. До наших дней сохранился неукоснительно соблюдаемый обычай, согласно которому, даря или продавая птицу, нельзя вместе с ней отдавать путики; нельзя дарить и продавать их и отдельно от птицы. В этом мы убедились в 1973 г. на Иссык-Куле, беседуя со стариком-сокольником. Отказавшись наотрез продать нам путики (хотя беркута у него давно уже не было), он объяснил это тем, что на дом и семью может обрушиться несчастье.

Мы в данном случае имеем типичное для религиозно-магических представлений явление, когда целое заменяется частью и на него переносятся сверхъестественные свойства целого. Понятно, почему подобные представления связаны именно с путиками: они — средство удержания птицы и, следовательно, и магическое средство удержания всех благ, которые она принесла.

Приведем описание одной пары путиков из двух, представленных в коллекции С. М. Дудина (№ 778-За, б), которые, как и все предметы из этой коллекции, обладают добротностью, красотой и изяществом исполнения.

№ 778-За, б — путики (опутенки) для ловчей птицы; сделаны следующим образом: из одного куска кожи вырезан длинный прямоугольник, от середины короткой стороны которого отходит узкий ремешок, в два с лишним раза длиннее самого прямоугольника. Этот кожаный прямоугольник, зашитый встык по длине, образует полую трубку — «коротышку». Поверх шва наклеена узкая

полоска красного бархата. Узкий ремешок, составляющий единое целое с «коротышкой», загибается и продевается в кожаную трубку так, что на месте сгиба ремешка образуется кожаная манжета, надеваемая на плюсну лапы птицы. На другом конце продетого в трубку ремешка пришито медное колечко, закрепленное в повторном сгибе ремешка, который концом выведен в трубку и в этом месте прочно зашит. Кожаная манжета, захватывающая плюсну лапы птицы, окрашена в черный цвет, остальная часть путиков — в желтый. В кожаную манжету вклеены вертикально продолговатые куски кожи в форме вытянутого прямоугольника, которые увеличивают поверхность соприкосновения ремня с плюсной лапы птицы, предохраняя ее от натирания. Снаружи эти подкладки склеены разноцветными кусками бархата: красного в центре, синего внизу и зеленого по краям. Длина путиков 15, толщина 1 см. Путики предназначены для мелких ловчих птиц — соколов и ястребов, хотя прикреплены к плюснам лап чучела беркута. Для работы с беркутом они непригодны, так как не обладают достаточной для этого величиной и прочностью.

В довольно простом и немногочисленном инвентаре, необходимом для успешного и безопасного обращения с ловчей птицей, исключительно важное место занимает и кожаная рукавица, основное назначение которой — предохранить руку охотника от острых когтей хищной ловчей птицы. Она играет также роль своеобразной стартовой площадки в момент напуска хищной птицы на добычу. Однако практически этот вид инвентаря необходим для работы с разными хищными птицами в разной степени, хотя традиционно работа и охота с хищными птицами без кожаной рукавицы (перчатки) не проводится. Для беркута наличие рукавицы обязательно, так как громадные когти и чудовищно сильная хватка его пальцев представляют большую опасность не только в начальный период обучения, когда беркут дикий и еще не привык к хозяину, но и в последующие периоды работы с ним, в частности в период активной подготовки к выезду на охоту, когда его кормят водяниной (тщательно промытым в воде мясом) и он, ощущая острое чувство голода, бывает агрессивен и даже нападает на хозяина, требуя корма. С учетом всего этого рукавицы для беркутов делаются из толстой плотной кожи особой выделки, чтобы когти беркута не могли проколоть поверхность рукавицы. В Киргизии такие рукавицы делались из кожи, снятой в шейной части туши козули или горного козла. В Казахстане часто для этой цели использовали кожу, снятую с шейной части верблюда. Образцы таких рукавиц были подробно рассмотрены в нашей статье в упомянутом сборнике МАЭ (№ 34). Рассмотрим перчатки для ношения на руке небольших ловчих птиц.

№ 2352-224 — *била* — перчатка из хорошо выделанной тонкой белой замши на правую руку. Тыльная и лицевая сторона перчатки украшены геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской. Вместители для четырех пальцев выкроены из одного куска кожи, шов проходит по внешней кромке кисти и четырем пальцам перчатки. Внутренняя кромка вместителя для кисти шва не имеет (кусочек кожи перед раскроем был сложен вдвое). Вместитель для большого пальца выкроен отдельно (шов с внутренней стороны) и вшит в специально сделанный для этого разрез в основной части перчатки. Перчатка небольшого размера, это дает основание предполагать, что использовалась она ребенком или женщиной: длина 23 см, ширина вместителя для ладони 8 см. Видно, что перчатка была в длительном употреблении: орнамент, нанесенный красной краской, полустерт.

Таких перчаток нам не приходилось встречать в полевой и музейной практике. Она дает возможность получить некоторое представление о той разновидности соколиной охоты, которая почти полностью исчезла в наши дни и весьма скупо освещена в литературе. Мы имеем в виду чисто развлекательную, лишнюю промысловых целей охоту с мелкими ловчими птицами типа пустельги и дербника. В прошлом такая охота имела широкое распространение в быту народов Средней Азии и Казахстана и существовала, судя по источникам,¹⁰

¹⁰ Марко Поло. Путешествие. С. 93.

в основном в двух разновидностях: детская охота и женская. Первая широко бытовала у кочевых народов региона: обучение сложному и тонкому искусству охоты с хищными ловчими птицами начиналась у кочевников с раннего детства. Самый первый опыт работы с небольшим соколом или ястребом-перепелятником мальчик получал в возрасте 8—9 лет, обучая сначала под руководством старших, а затем и самостоятельно мелких хищных птиц, легких и безопасных в обращении. Воспитание птицы занимало от 6 до 8 дней, после чего с ней можно было выходить или выезжать верхом на охоту. Таких ловчих птиц пускали на перепелок, кекликов (горных куропадок), на горлиц, дроздов и даже воробьев. Часто добыча носила чисто символический характер, а сама охота была игрой, своеобразной забавой. Однако тот небольшой опыт, который мальчики получали в процессе этой забавы, являлся необходимой основой для серьезного увлечения этим замечательным видом охоты и спорта, который в будущем обеспечивал и богатую и престижную добычу, и достаточно почетное место в обществе. Неоспоримо и то, что детское увлечение охотой с ловчими птицами вырабатывало в ребенке многие ценные качества личности: любовь к живой природе, терпеливость, наблюдательность, сообразительность, смелость. Так закладывалась основа качеств, необходимых сокольнику-профессионалу. Таким образом, широкое распространение среди кочевников Средней Азии и Казахстана детской соколиной охоты частично способствовало тому высокому уровню, которого достигла охота с ловчими птицами в их среде. С другой стороны, наличие детской соколиной охоты объясняется высоким уровнем и широким распространением этого вида деятельности в быту и культуре народов региона.

Женская соколиная охота, как свидетельствуют некоторые источники, в средневековье была распространена в аристократической среде и тесно связана и у кочевников, и у оседлого населения с придворной ханской охотой. Придворные дамы, как и их высокопоставленные мужья, имели, как правило, отлично обученных небольших соколов и в сопровождении сокольников-профессионалов выезжали на охоту. Характерной чертой женской соколиной охоты, так же как и детской, являлся абсолютный приоритет чисто развлекательного, увеселительного момента над меркантильным, иначе говоря — удовольствия от процесса охоты, от радости, вызванной количеством добычи (хотя последнее, естественно, имело немаловажное значение). Разумеется, что женская аристократическая охота с ловчими птицами носила глубоко престижный характер и была привилегией женщин из семей, занимавших высокое имущественное и общественное положение.

Перчатка, описание которой нами дано выше, настолько изящна и тонка, что ее функциональная роль представляется в определенной степени условной, и ее использование носило не столько практический, сколько декоративный и символический характер. Из своих наблюдений и практики мы убедились в том, что хорошо прирученного ястреба-тетеревятника можно безопасно держать на руке без рукавицы. Хорошо обученная и привыкшая к хозяину птица сидит на руке спокойно, не сжимая своих острых когтей.

В заключение комментариев к перчатке мы хотим отметить следующее: перчатки — не единственный предмет, который в детской и женской соколиной охоте используется в большей мере из декоративных, чем практических соображений. Нам представляется, что и надевание клобучков на небольших соколов также диктуется в первую очередь соображениями эстетики и традиции.

Итак, мы имели возможность еще раз убедиться в том, что охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана имела чрезвычайно широкий диапазон не только в плане разнообразия используемых для этой цели птиц, но и в плане участия в ней людей разного пола, возраста и общественного положения: от охоты-игры маленьких детей и женщин с мелкими соколами до мужской промысловой охоты с беркутом.

Следующая по важности категория предметов, необходимых для работы с ловчей птицей и являющихся условием ее благополучного содержания, — стулья (наседы, насеты). Лучшие из них и наиболее типичные для районов

с оседлым населением представлены тоже в коллекции С. М. Дудина. Приводим описание одного из них.

№ 778-1 — *чака* — стул для сидения ловчей птицы, состоит из прямоугольного в сечении металлического стержня; деревянного цилиндра, на котором непосредственно сидит ловчая птица; двух металлических полудужек, поддерживающих горизонтально расположенный деревянный цилиндр. Металлический четырехгранный стержень заостренным концом втыкается в землю. Верхний его конец вделан наглухо в деревянный цилиндр перпендикулярно к нему. На верху одной грани стержня выгравирован геометрический орнамент. Деревянный цилиндр, по-видимому, выточен на токарном станке. В средней части он тоньше, чем на концах, которые утолщены и имеют вид полусферических головок. Для надежности фиксации деревянного цилиндра он снизу поддерживается двумя металлическими полудужками, прямоугольными в сечении. На лицевой стороне дужек имеется гравированный орнамент в виде повторяющейся латинской буквы S. Один конец каждой полудужки вкован в металлический стержень, другой с помощью металлического же гвоздя закреплен на торцевой части деревянного цилиндра. Длина стержня 37.5 см, деревянного цилиндра — 19.5, каждой полудужки — 11.5 см. Сохранность хорошая.

Стулья описанной конструкции встречались в основном среди оседлого узбекского и таджикского населения и предназначались для любой ловчей птицы, кроме беркута. Для мелких соколов использовались аналогичные по конструкции стулья, только меньшего размера. Однако стулья рассматриваемой конструкции можно встретить и у кочевников в районах, пограничных с районами, занятыми оседлым населением, что легко объясняется заимствованием. Примечательно, что казахи Кызылкумов используют такие же стулья и для беркутов, но в этом случае их делают гораздо большего размера. Особенностью таких стульев является и то, что деревянный брусок вместе с подпирающими его дужками делается вращающимся вокруг стержня, воткнутого в землю. Это несколько осложняет сидение птицы на стуле, так как опора неустойчива и птица чувствует себя на ней не вполне комфортабельно, однако такая конструкция имеет и неоспоримое преимущество: путики, привязываемые к стулу, во время движения птицы (вверх-вниз, вокруг стула) не обматываются кругом металлического стержня и не запутываются, что исключает возможность травм ног птицы и порчи оперения.

Примером другой конструкции стула для мелких ловчих птиц является стул, использовавшийся горными таджиками (№ 2674-148). Он вырезан из целого куска дерева, состоит из основания, имеющего форму параллелепипеда; двух стоек в виде усеченных пирамид, основаниями покоящихся на параллелепипеде; перекладины, которая соединяет обе стойки в верхней части, — на ней, собственно, и сидит ловчая птица. Перекладина гладко обстругана и имеет круглое сечение. Остальная часть стула сделана неаккуратно, грубо, поверхности носят следы инструмента (ножа или топора). Длина стула 40, ширина 25, высота 35 см. Сохранность хорошая.

Во время экспедиционных поездок по Средней Азии нам не встречались стулья подобной конструкции. Обычно деревянные стулья для ловчих птиц изготавливаются из целого куска дерева, часто используется выкорчеванный пенёк, корни которого служат ножками, а остатки ствола — местом сидения птицы. Ножек может быть три, четыре и более, их подрезают таким образом, чтобы место сидения птицы располагалось бы строго горизонтально. Все части такого стула грубо обрабатываются ножом или, чаще, топором, за исключением места, на котором сидит птица, — его делают округлой формы и аккуратно обрабатывают, иногда даже полируют.

Другая разновидность деревянного стула представляет собой два невысоких столбика (до 1 м), врытых в землю на некотором расстоянии друг от друга, на которых сверху горизонтально крепится деревянная перекладина, предназначенная для сиденья одновременно нескольких птиц. Все сооружение напоминает футбольные ворота. Ловчие птицы располагаются на таком расстоянии одна от другой, чтобы они не могли вступить в непосредственный контакт —

это может привести к конфликту между ними, во время которого они могут искалечить или даже убить друг друга.

Еще одной разновидностью стула, встречающегося в Средней Азии и Казахстане, является обыкновенный обрубок дерева, лежащий горизонтально или, если он короткий, стоящий вертикально на земле. Такой стул для хищных птиц широко распространен в наши дни, так как почти не требует труда для своего изготовления и тем не менее прекрасно выполняет свои функции. Но в этом мы все же склонны видеть признаки упадка культуры работы с хищными птицами, свойственные нашему времени, когда и методы подготовки ловчих птиц, и качество инвентаря, и сам процесс охоты утратили в значительной степени присущее им в прошлом традиционное совершенство.

Современные охотники для изготовления стульев используют и другие самые разнообразные материалы и предметы, останавливаясь на которых нет смысла, так как они утратили этническую и этнографическую специфику.

Завершая краткий обзор конструкции стульев для ловчих птиц, остановимся еще на одной разновидности, которую мы видели у казахов Кызылкумов. Этот стул представляет собой холмик, горку из глины высотой до 60 см. По-видимому, такой стул типичен для пустынных и степных районов, где порой трудно найти подходящий кусок дерева или корягу, в то время как повсюду имеется в достаточном количестве глинистая земля (*топрак*), из которой в короткое время можно соорудить прочный и удобный стул для ловчей птицы. Кроме того, кызылкумские сокольники утверждают, что сидение на таком стуле благотворно влияет на состояние пальцев лап хищной птицы, не допуская заболеваний, которые поражают подушечки лап у ловчего беркута.

Основные практические требования, предъявляемые к стулу, сводятся к следующему: он должен быть невысок, чтобы птице было легко и удобно на него вскакивать и при этом чтобы птицу можно было держать на коротких путях; высота стула от земли должна быть такой, чтобы при сидении птица не задевала бы земли хвостом, иначе ей неудобно сидеть и при трении о землю она может повредить оперение хвоста; стул должен находиться на абсолютно чистой площадке, расположенной по возможности в тенистом и прохладном месте — в саду, в тени дома или юрты; в зимнее время место, где сидит птица, должно быть загорожено от ветра (в дождливую, снежную, морозную или ветреную погоду стул с птицей переносили в юрту, в дом или в иное закрытое помещение); в весеннее или летнее время желательно, чтобы рядом со стулом протекал арык, ручей и т. п., чтобы птица в период линьки могла пить и купаться вдоволь. Место, где сидит птица на стуле, не должно быть плоским или острым; и то и другое для птицы неудобно и портит ее лапы; долгое сидение прямо на земле несвойственно хищной птице и поэтому неприемлемо в домашнем ее содержании, особенно это недопустимо в дождливую и морозную погоду. Место, где сидит на привязи ловчая птица, должно быть по возможности защищено от кошек и собак, в особенности в ночное время, когда птица спит.

В походных условиях, во время охоты, для отдыха ловчей птицы используются, как правило, подручные средства: камень, корни деревьев, кочки, снятое с коня и брошенное на землю седло и т. п. В некоторых случаях, например когда охотник отправляется с ловчей птицей на охоту на длительное время, он берет с собой походный вариант стула, чаще всего конструкции, представленной в коллекции С. М. Дудина или близкой к ней, избавляя себя от необходимости искать на привале место для отдыха птицы.

На стуле ловчая птица проводит все свое свободное от «работы» и кормежки время. По ее посадке сокольники судят о ее настроении и самочувствии, о том, вошла ли она в охотничью форму, а в процессе обучения о том, в какой степени она привыкла к новой обстановке и к хозяину. Ловчая птица, сидящая на стуле прямо, гордо и спокойно, вызывает у сокольника удовлетворение — это свидетельствует о том, что его умение и труд не пропали даром. Птица, неловко пристроившаяся на стуле, нахохлившаяся, втянувшая голову в плечи, с неопытным растрепанным оперением вызывает сомнение в ее хорошем самочувствии.

вии и настроении. Птица, не сидящая на стуле, предпочитающая сидеть на земле, или не привыкла к новым условиям, или заболела.

Кроме того, у киргизов, например, птица, сошедшая со стула на землю, — признак надвигающейся беды или опасности для хозяина и его семьи. Это вещий и дурной знак. Равно как и плохим признаком является и то, что ловчая птица (в частности, беркут) сидит на стуле в дневное время на одной лапе. Последнее обстоятельство, по поверьям киргизов, свидетельствует о наличии поблизости или приближении нечистой силы, злого духа, которых она боится и готова им подчиниться.

Итак, мы дали характеристику предметам, необходимым для работы с ловчими птицами как во время их вынашивания, так и во время охоты. Далее перейдем к характеристике трех категорий предметов, которые еще в конце XIX—начале XX в. использовались главным образом в процессе самой охоты.

Начнем с подвесок с бубенчиками, которые надевались на шею ловчей птице на время охоты в том случае, когда охота проходила в местности, изобилующей кустарником, деревьями, высокой травой и т. п. Это довольно редко встречающиеся в наши дни вещи, совершенно исчезнувшие из практики соколиной охоты.

Опишем одну подвеску с бубенцами из коллекции С. М. Дудина № 778-12а, б. Это подвеска с бубенчиками серебряная, надеваемая на шею соколу или ястребу. Состоит из собственно подвески, имеющей грушевидную форму (слегка приплюснутую), если смотреть на нее спереди, и представляющей собой полный резонатор со стенками из тонкого серебра низкой пробы. Задняя стенка резонатора плоская, передняя выпуклая. В корпусе подвески резонатора имеются два отверстия: одно сбоку в верхней части подвески, другое в нижней ее части. Сделаны они для более сильного и мелодичного звучания бубенцов. К корпусу подвески с двух противоположных сторон за небольшие петельки подвешены круглые полые серебряные бубенчики типичной для бубенцов формы и конструкции.

Внутри самой подвески и бубенцов имеется по маленькому кусочку металла, который, ударяясь о стенки подвески и бубенцов, издает приятный мелодичный звон. Длина корпуса подвески 3.4 см, ширина в широкой части 2.3, диаметр бубенцов 1.4 см. Сохранность хорошая.

В прошлом такая подвеска надевалась на шею птице с двумя целями. Во-первых, по звону бубенцов охотник мог легко найти затерявшуюся во время погони за добычей ловчую птицу (старые сокольники киргизы утверждают, что звон хорошо сделанных серебряных бубенцов в очень тихую погоду слышен на расстоянии до 1.5 км). Во-вторых, подвеска с бубенцами имела явно декоративное назначение, и несмотря на то что она была лишним грузом, который сковывал быстроту движения птицы, и в условиях охоты могла легко зацепиться за сучок, ветку и т. п. и привести к увечью птицы или даже ее гибели, сокольники средневековья, в особенности в ханской и байской охоте, упорно снабжали такими довольно громоздкими и тяжелыми подвесками ловчих птиц, чтобы сами соколы и охота с ними выглядели наряднее, веселее и представительнее. При этом соколы в придворной аристократической охоте часто имели подвеску с бубенцами на шее и по паре бубенцов на каждой лапе и одновременно пару бубенцов на хвосте.

Подвеска с бубенцами, по словам С. М. Дудина, называлась у узбеков *джига* или *джигауль*, у киргизов *жагоо*, у казахов — *жагау*. Однако и у казахов, и у киргизов под этим термином бытует еще два предмета, связанных с соколиной охотой. Один из них имеет чисто функциональное назначение, другой — исключительно декоративное (узбекская же подвеска соединяет в себе и практическую пользу, и декоративное назначение).

Один из предметов, используемых казахами и киргизами, представляет собой кожаную петлю, которая надевалась на шею ястребу. От этой петли, сделанной из тонкого ремешка, отходил вниз еще один ремешок, конец которого зажимался сокольником в той руке, на которой сидела ловчая птица. Ремешок был слегка натянут, и поэтому голова сидящей на руке птицы вместе с корпусом слегка наклонялась вперед-вниз и птица занимала на руке положение, близкое

к горизонтальному. Это делалось для того, чтобы в момент напуска птицы на добычу сокольник мог сделать резкое движение рукой вперед-вверх, придавая таким образом ловчей птице необходимое ускорение, нужную стартовую скорость. Без такой кожаной петли (*жагоо*) при резком движении руки охотника птица как бы слетала с руки назад, что мешало начальному этапу полета, давало потерю во времени и скорости.

Второй предмет под тем же названием *жагоо* мы видели на шее ловчего ястреба в Ошской обл. Киргизской ССР в 1976 г. Он был сделан из тонких ремешков и состоял из петли, которую надевали на шею ястребу (см. рисунок), и из скрученного из тонкого ремешка диска, пришитого к свободным кончикам

Ловчий ястреб на руке охотника (КиргССР).

этой петли. Это своеобразный «птичий кулон», который использовался исключительно в качестве украшения, хотя и мешал птице в охоте, сковывая ее движения и подвергая ее опасности. Возможно, что второй вариант *жагоо* представляет собой изменившийся исторически первый его вариант. Изменения, происшедшие со вторым (декоративным) *жагоо*, связаны, по-видимому, с утратой и забвением его бывшего практического использования и превращением в простое украшение.

Таким образом, предметы, называемые у сокольников Средней Азии и Казахстана одним и тем же термином — *джи́га*, *жагоо*, *жагау*, в конце XIX — начале XX в. выполняли различные функции: практическую, эстетическую и эстетико-практическую. Вероятно, все три предмета в глубоком прошлом имели и ритуальное значение, иначе трудно объяснить их живучесть, несмотря на то что их практическое использование или бесполезно, или сомнительно. Их ритуальное назначение в глубоком прошлом пока остается лишь предположением.

В собраниях МАЭ имеются также три охотничьих барабана.

Опишем *тавылыреза* (№ 778-8) — барабан для вспугивания дичи во время охоты с ловчими птицами. Состоит он из полого медного резонатора, имеющего форму полусферы, плавно переходящей в усеченный конус. На вершине конуса имеется кольцо для подвешивания барабана на стену дома или юрты. На основании купола резонатора натянута тонкая светлого цвета кожа, закрепленная там с помощью медных шпеньков со шляпками в виде четырехлепестковой цветочной розетки. Поверх загнутой полосы кожи проходит скрученный из такой же кожи жгут (шнур), который также закреплен за медные шпеньки и

плотно прижимает кожу к поверхности основания купола резонатора. На кромке барабана имеются две прямоугольные медные петли, через них продевается шнур, ремень и т. п. для закрепления барабана на луке седла (с левой стороны по ходу коня или слева на поясе идущего пешком человека). Поверхность резонатора украшена чеканным узором, орнамент имеет растительный мотив. Диаметр основания купола резонатора 24,2 см. На поверхности резонатора имеются вмятины, разрыв на коже ударной части заклеен кожаной заплаткой. Поверхность резонатора потемнела так, что с трудом просматривается чеканный узор. Этот экземпляр барабана наряду с остальными предметами коллекции № 778 принадлежал аристократической охоте.

Охотничьи барабаны, необходимые для вспугивания дичи, прячущейся от хищных птиц, в прошлом чаще всего использовались в масштабной военизированной охоте как оседлого, так и кочевого населения. Рядовые охотники, которые охотились в одиночку или небольшими группами, реже нуждались в этом предмете, так как не было необходимости поднимать в воздух большое количество дичи на больших пространствах. При приближении одиночного охотника от производимого им шума в воздух поднималось достаточное ее количество. Кроме того, с целью выслеживания и вспугивания дичи в Средней Азии и Казахстане широко использовались борзые собаки.

Нет сомнения и в том, что охотничий барабан генетически восходит к боевому военному барабану и сохранение его в охоте с ловчими птицами свидетельствует о тех далеких временах, когда эта охота носила широкомасштабный военизированный характер. Интересно отметить, что в те времена не только сама охота, но и кормление, и обучение птиц проходили под грохот военного барабана.¹¹ Поэтому во время охоты звуки барабанного боя не только поднимали дичь, но и возбуждали у ловчих птиц охотничий азарт, боевое охотничье настроение.

Итак, наша статья дает некоторое представление о том важном месте, которое занимала охота с ловчими птицами в экономике, идеологии и культуре народов Средней Азии и Казахстана, а также предоставляет возможность обратить внимание исследователей на то, что эта богатая традициями сфера народной культуры пока еще слабо изучена, в то время как углубленное ее исследование могло бы пролить свет и на некоторые неизвестные нам стороны традиционного военного дела, социальной организации, религии, хозяйства, эстетических представлений, идеологии как кочевого, так и оседлого населения Средней Азии и Казахстана. Иными словами, тщательное и всестороннее изучение этой сферы народной культуры и быта обогатит, а в некоторых аспектах и уточнит наши этнографические представления о народах Средней Азии и Казахстана.

¹¹ Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient // Nouvelle ed. par L. Langes. Paris, 1811. T. 3. P. 386—397.